

AutBANDuTe

На Краю Страха

18+

**Мари Анатоль
Павел Мохначев
Любовь Мартынова
Ольга Морозова
Андрей Ходыкин
Алена Перепада
Александр Семёнов
Арсения Михно
Татьяна Турова
Дарья Грицаенко
Юлия Palacios
Линда Сауле
Творческое объединение
«ЛитВАНДиТЫ»
Милена Курнеева
Анна Чудинова
Мира Лев
Оксана Сотникова
Елена Фили
Дарья Грицаенко**

На краю страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67025980

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92791-9

Аннотация

Представьте: вы едете за город. Разбитая дорога. Старенький автобус вязнет в грязи. За окнами сгущается темнота. На фоне ночного неба чернеют силуэты деревьев. Тучи. Ветер. Раскаты грома. С крестов заброшенного кладбища резко взлетают вороны. Тревога нарастает...Самое время рассказывать страшные истории!Сборник «На краю страха» продолжает серию Творческого объединения писателей ЛитBANDиТы. В нем собраны рассказы в жанрах хоррор, мистика, триллер, магический реализм, фантастика. Какая история напугает вас больше всего?Чтобы лучше прочувствовать атмосферу, слушайте треки, собранные авторами в плейлист на Яндекс-музыка. Перейти на него можно по QR-коду, размещённому в конце сборника.

Содержание

Линда Сауле	6
Заблудшие	7
Дарья Грицаенко	16
Без головы	17
Анна Чудинова	23
Бродяга	24
Медвежий приют	37
Елена Фили	48
Авария	49
Мира Лев	61
Заколдованная квартира	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

**Творческое объединение
«ЛИТВАНДИТЫ», Оксана
Сотникова, Анна Чудинова,
Линда Сауле, Дарья
Грицаенко, Елена Фили,
Андрей Ходыкин, Мира
Лев, Мари Анатолий,
Любовь Мартынова,
Алена Перепада, Татьяна
Турова, Милена Курнеева,
Ольга Морозова,
Александр Семёнов,
Арсения Михно, Павел
Мохначев, Юлия Palacios**

Заблудшие

Покой и бескрайние просторы горной кавказской деревушки. Лачуги, разбросанные по равнине, забытые миром жители, большинство из которых старики. Живописный пейзаж, каким я его помнила с детства, нетронутая земля, каждым клочком своим воспевающая силу и могущество природы.

Дом, в котором я остановилась, стоял почти у самого леса. Хозяйку звали Марьям. Она была молода, полна сил и истинно кавказского гостеприимства. Муж её умер, но Марьям бойко вела хозяйство, ухаживая за домом и скотиной, а летом сдавала несколько комнат редким постояльцам. Как могла она баловала гостей, щедро разбавляя блюда приправами, а речь – шутками, но вся эта милая суэта не могла вытравить горечь покинутого сердца, что читалась в глазах женщины. У Марьям была маленькая дочка, Алина, кареглазая и смешливая. На её бедрах красовался связанный матерью шерстяной платок, оберегавший девочку от сквозняков. В нем каждое утро она и прибежала к моей двери и громко колотила в неё, чтобы разбудить. Тогда я выходила к завтраку, а потом отправлялась на долгую прогулку, стараясь забыть шум большого города и выровнять ритм моего разбитого сердца.

Лавируя меж валунов и тонких ручейков, сбегających к шумной реке, я то и дело обращала взор в сторону леса, упи-

раясь взглядом в могучую стену, где тысячей верных солдат стояли деревья. Я пыталась рассмотреть, где берёт начало это хвойное море и где оно оканчивается. Но край его угадывался лишь там, где зелёный покров подходил к вершинам гор, образуя резкий контраст.

Стоял вечер. Марьям хлопотала у плиты, когда одна из гостей дома вошла на кухню с корзиной, полной грибов. Пожилая женщина казалась взволнованной, утверждая, что видела в лесу мужчину, не похожего ни на лесника, ни на местного жителя. Из рассказа выходило, что она собирала грибы и заплутала, когда, словно из ниоткуда, на поляну, где она стояла, склонившись над россыпью лисичек, вышел мужчина. Он не заметил её, хоть и прошел совсем рядом, шатаясь и несвязно мыча. Женщина была напугана, но сама не могла определить, чем вызвано это ощущение.

За окнами сгущалась ночь, и несмолкаемый шум реки убаюкивал мой разум. В таком состоянии человек легко верит тому, что слышит, и придает услышанному весьма живые и отчетливые формы. Но я не углядела в этой встрече ничего особенного, и мне было непонятно волнение соседки. Какой-нибудь местный житель выпил лишнего и пошёл побродить в лесу.

Пока постоялица рассказывала историю, хозяйка дома не шевелилась. Ни один мускул не дрогнул на лице, будто околеченевшем. В какой-то момент мне показалось, что с её губ сорвался тихий стон, словно застарелая боль не могла найти

выхода. Я осторожно окликнула Марьям в смутном опасении за её самочувствие. Но она не ответила и поспешила уйти с кухни, словно наше присутствие ей вдруг стало неприятно.

Наутро, не спеша позавтракав, я отправилась в долину, чтобы провести день верхом. Ещё накануне я договорилась с местным жителем, чтобы он одолжил мне смирную кобылу. Пока мужчина, крепко сбитый и дотемна загоревший, готовил лошадь, я, не зная зачем, пересказала ему услышанную накануне историю. Он внимательно слушал не перебивая, а когда я закончила, спросил:

– Ты знаешь, кто такие заблудшие?

Я покачала головой. А он продолжил:

– Заблудшими в наших краях называют тех, кто ушел в лес и не вернулся. Эти люди не могут найти дорогу домой, не видят тропинку, даже если она перед ними. Лес для них меняется, чтобы сбить с пути. Каждый может стать заблудшим. Даже лесник, что знает эти места, как свой дом.

– Разве их не ищут? – спросила я.

– Ищут, конечно, ищут. Но никогда не находят. Если звать их по имени, они не отзовутся, потому что лес спрятал от них все звуки. Они не слышат даже собственного голоса.

– Но тот мужчина...

– Забудь о нём. Ему нет дороги назад.

– Но ведь кто-то наверняка его ждёт! – воскликнула я.

– Найдется один, пропадет кто-то другой. Никто не может увидеть заблудшего. Никто не может вернуть его домой. И только тот, кто тоже потерялся, может его увидеть и помочь. Но тогда сам останется в лесу навсегда. Твоей знакомой повезло, – сказал он напоследок. – Если бы она показала дорогу заблудшему, то он вернулся бы домой, а она осталась там.

Возвращалась с прогулки я уже в сумерках. Лошадь едва тащилась от усталости, а я, под впечатлением от местной легенды, пребывала в каком-то нервном возбуждении. Дорога к дому пролегла мимо леса. В надвигающемся сумраке он, как ни странно, не казался темным, а был будто подсвечен изнутри. Я двинулась в седле, направляя лошадь к деревьям, чтобы на ходу заглянуть в дразнящую любопытство чащу, но лошадь сопротивлялась и, упрямо дергая поводья, продолжала идти прямо.

Отказ животного подчиняться вызвал у меня внутренний протест. Непреодолимая тяга окончательно завладела мной. Я привязала кобылу и, немного помедлив, шагнула в лес, ощущая, как нежная прохлада ложится на плечи, приглашая сделать ещё шаг. Я прошла вперед, привлечённая неземным покоем, разлитым в безбрежной чаще. Краски здесь были нежнее, а очертания мягче. Трава почти не росла – вероятно, погибала, скрытая от солнца высокими стволами. Слезавшийся ковёр из прелых иголок отзывался на каждое движение, и я шла, не в силах остановиться, словно неведомая

сила мягко подталкивала меня в спину.

Вдалеке слышались вечерние трели птиц, мерный зов кукушки и дробный перестук дятла, разбивающего кору. Слух различил глухой звук упавшей шишки, вокруг молчали почерневшие камни. Присев на корточки, я коснулась одного из них. Приветливый покой тотчас охватил меня, и я закрыла глаза, слушая лес, вдыхая аромат хвои, улыбаясь нетерпеливому фырканию лошади, ожидавшей моего возвращения. Шум реки доносился где-то позади – переливчатый рокот, к которому я так привыкла, что почти перестала его замечать.

Внезапный звук нарушил моё умиротворение. Сначала он был едва заметным, словно чуткое прикосновение. Затем прошел глубже, в сознание, а оттуда – прямо в сердце. Оно подскочило, когда я распознала человеческие шаги.

– Марьям! – воскликнула я, увидев женщину. Я поднялась ей навстречу, а она, вздрогнув, остановилась, не ожидавшая встретить кого-то ещё. Я тоже замедлила шаг, заметив её бледность. – Что случилось?

Она продолжала смотреть на меня. Зрачки её были расширены, а тонкие губы дрожали. Марьям попыталась произнести слово, но я услышала только хрип.

– Я искала его, – наконец сказала она. – Ходила по лесу, но не нашла... Думала, раз она... раз она смогла увидеть его... увижу и я. Я только хотела вернуть... Показать дорогу. Домой...

– Кого, Марьям, кого вы ищете?

Вместо ответа она прижала руку к груди и сделала глубокий, судорожный вдох. На безымянном пальце тускло блеснуло обручальное кольцо. Мой разум на мгновение замер, пока его не кольнула острая догадка.

– Тот мужчина, которого встретила в лесу соседка... Это был ваш муж?

Она кивнула, и слеза сорвалась с темных ресниц.

– Три года назад дочка убежала в лес. Мы живем рядом, и я не уследила... – Марьям уронила лицо в ладони. Мокрые всхлипы перемешались с глухим голосом. – Мы искали её всем аулом. Кричали её имя, молили лес вернуть девочку.

– Ваша дочка тоже стала заблудшей?

– Откуда ты знаешь про заблудших? – она вздохнула. – Да, она стала одной из них. Каждое утро муж уходил туда и возвращался один. Но я верила, что случится чудо. И однажды, когда я готовила сено во дворе, услышала, как она плачет и бежит ко мне из леса. Она совсем не изменилась, словно прошел всего один день.

– А ваш муж...

– Лес забрал его. И вчера, когда я поняла, что он совсем рядом, то просто не могла поступить иначе.

– Вы не подумали о дочери?

– Теперь уже поздно. Я никогда больше не увижу её, – Марьям обреченно огляделась по сторонам, в одно мгновение отрешившись от меня. – Я заблудилась. Знаю, потому что хожу много часов. Я не узнаю этот лес, он стал другим.

Я никого не встретила – ни человека, ни птицу, ни зверя. Только ты. И раз я вижу тебя, значит мы обе... Теперь мы обе стали заблудшими.

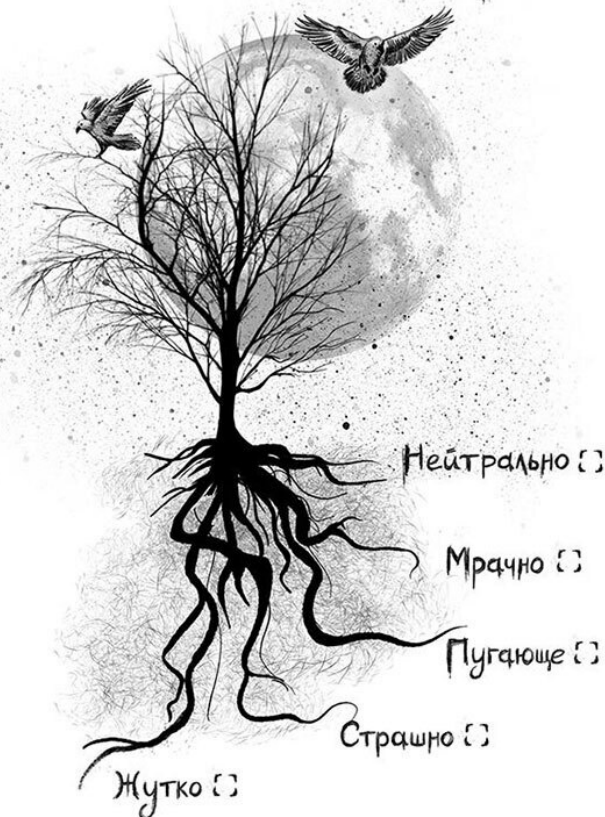
– Да нет же, я только что пришла сюда! Выход здесь, прямо за этими деревьями, – воскликнула я прежде, чем осознала собственные слова. Наши взгляды встретились, и я увидела, что слёзы женщины вдруг высохли, как если бы её лицо стало очень горячим. Её исказила мученическая маска, когда она подняла руку и потянула ко мне, желая коснуться моего плеча. Но остановилась на полпути, так и не решившись на это. А потом развернулась и бросилась прочь.

В то же мгновение легкий шум отвлек меня. Я оглянулась. Позади было тихо, ни малейшего движения. Солнечный свет, который ещё минуту назад согревал макушки деревьев, потускнел. Я посмотрела вправо, туда, где стоял высокий камень со скошенным боком. Теперь его не было. Влево, где небольшой холм образовал природный навес. Вместо него – прогнившие обломки старых пней.

Все вокруг изменилось, будто по мановению могущественной руки. Меня окружал новый лес, перетасованный, густо заваренный до смолисто-терпкого, удушающего варева. Тогда я крикнула. Голос потонул в глуши. Ни стука сердца, ни стоны древесины. Снова крик. Он повис, как рыхлая паутина, не прозвенев и не дождавшись собственного эха. Ни единого скрипа, всплеска или стука не доносилось до моего разума, ни единого шороха. В наступившей тишине калей-

доскопным осколком вспыхнул кусочек неба, там, где мне ещё слышались удаляющиеся шаги Марьям. Лишь маленький кусочек угасающей зари. А потом лес сомкнулся.

Шкала вашего страха

Напугал ли вас рассказ, который вы прочитали?

Определите уровень своего страха по этой шкале и поставьте отметку.

Если хотите, чтобы автор узнал о ваших ощущениях, загрузите фото с отметкой в сториз Инстаграм, укажите название рассказа и ссылку на @litbanditi

Дарья Грицаенко

Instagram: @dariya_gritsaenko

Без головы

За спиной раздалось гулкое кляцанье шагов. Кляц. Кляц. Звуки разносились по парку, резко обрывались на высокой ноте и, как в вате, тонули в ночной тишине.

Обернулась. В тусклом свете фонарей раскачивались голые ветки деревьев. Сквозь блёклое марево тумана неприветливо темнели пустые лавочки. Опавшие листья на безлюдной аллее ворошил ноябрьский ветер. И никого. Крепче ухватилась за ремешок сумочки. До дома оставалось совсем немного. Там уже ждут. Няня, конечно, спешит к себе, а Никитке наверняка не терпится рассказать мне, что же он делал сегодня на Хэллоуин.

Кляц. Кляц. Кляц. Кляц.

Непрерывно оглядываясь, пошла быстрее. Неясные тени. Всюду мерещилось что-то потустороннее. Чувство тревоги мелкой дрожью пробралось за пазуху. Захотелось обхватить себя покрепче.

Впереди появился силуэт человека в плаще. Слава богу, я не одна! Есть кто-то ещё. Если я за ним иду, а не он за мной, значит это точно не маньяк. Надо догнать его.

Когда расстояние между нами сократилось метров до пятидесяти, человек в плаще вдруг остановился у фонаря. Свет окутал его фигуру. Что это? Стало трудно дышать. Показалось... показалось, что у него нет головы... Я замерла, меч-

тая слиться с туманом. Сильный озноб охватил все тело.

Клац. Клац. Шаги сзади слышались все ближе. Через два вдоха моего запястья коснулись чужие холодные пальцы. Вздрыгнула, еле сдержав вскрик. Медленно обернулась.

На меня смотрел ребёнок. Девочка лет семи. Чёрные глаза, мятая шляпа-конус, волосы в колтунах, одежда словно из рваных лоскутов. Откуда она здесь взялась, ночью, в парке?

Конечно! Хэллоуин же! Она, скорее всего, потерялась. И тот, кто без головы, тоже, наверное, костюм надел, в котором голову просто не видно. Облегчение захлестнуло меня волной так, что задрожали ноги.

– Где твои родители?

Откуда-то раздалось: «Мама и папа всё время ругаются». Она ведь молчала, ничего не произносила вслух! Почудилось?

Девочка вытащила из кармана леденец на палочке, но вместо того чтоб рассасывать, принялась с хрустом жевать. И вновь голос из ниоткуда: «А у них много любви. У меня не было много». Мурашки иголочками впились в кожу. Неужели эти слова идут от неё?

– Это... это ты говоришь?

«Классно, да? Они показали. Они забирают страх. Вытягивают плохое. Дают радость и много-много любви. Так хорошо! Ещё чуть-чуть и останусь с ними навсегда».

– С кем? Кто они?

К нам по парковой дорожке, пересекая силуэты кустов и

деревьев, ползла чья-то тень. С ужасом я развернулась обратно. Тот, в плаще, подошёл ближе. Длинное одеяние, развеваясь на ветру, окутывало крупное высокое тело, а над воротником чернела вязкая маслянистая пустота.

Онемели руки, в нос ударил запах железа, из горла с хрипом вырывалось:

– Господи! Головы нет, нет... Не может быть! Мне кажется, мне всё это кажется.

«У него и взаправду нет головы, – девочка опять прообразилась в мои мысли. – Сладкого так хочется!» – доев один леденец, она тут же принялась грызть второй.

– Пойдём со мной, – от страха пересохло нёбо, но ребёнок... Нужно попытаться что-то сделать. – Я тоже буду любить тебя. По-настоящему. Обнимать и дарить куклы... и много-много конфет. Пойдём.

Девочка перестала жевать. Внимательно на меня посмотрела: «Зачем? Тебе не надо бояться. Всё будет хорошо. Они уже рядом».

У фонаря из темноты появились ещё две фигуры в плащах и без голов. Горячая волна обожгла внутренности. Скрутило живот. Что делать?

Схватила ребёнка за локоть, потянула на себя. Но неожиданно девочка зло задёргалась, выворачиваясь. Из-за этих метаний слетела ее шляпа. Не может быть! Выше бровей кляксой расплывалась чернильная пустота. Господи!

Сорвалась, спотыкаясь, понеслась в сторону родной мно-

гоэтажки, продираясь сквозь ветки, прыгая через кусты. Выход из парка, поворот, игровая площадка, скамейка, поворот, мой подъезд. Достала ключи. Брелоки перепутались. Магнит от домофона оказался в самом центре клубка. Ладони взмокли. Нервно перебирая связку, дёрнула кольца в разные стороны. Ну, давай! Становится только хуже. Чёрт! Ладно! Можно же номер квартиры! Набрала...

Чужое холодное касание. Ещё одно. Ледяные пальцы на моей шее, лице, в волосах. Тянут из меня тоску, горечь развода, боль одиночества, тяжесть вины, постоянную усталость. А потом, как лава, по венам начинает струиться эйфория, радость, нежность, любовь...

Из домофона сквозь шипение зазвучал сердитый голос:
– Да?

Что со мной..?! Нет!!! Заорала бешено, вырываясь. Фигуры в плащах в ярком свете ламп двигались неуклюже. Отчаянно размахивая сумочкой и связкой ключей, закружилась волчком вокруг себя. Пихала изо всех сил руками и ногами, оттолкнула одного, второго, третьего. Они попятились.

– Откройте, это я! – закричала, с трудом выталкивая слова и задыхаясь.

Пиликнул замок, дверь приоткрылась.

– Что там за шум? – донеслось из динамика.

Уже не слушала. Влетела в подъезд. Перепрыгивая через ступеньки, побежала к квартире, на ходу вытаскивая ключ из запутавшийся связки. Наконец-то получилось! Открыла

дверь и тут же резко её захлопнула.

Дрожащей рукой включила свет. Дыхание шумело в горле, с трудом проникая в лёгкие. Пульс молотом ударял в виски. Я в безопасности, у себя, всё позади! Фу-ух...

Зашла на кухню. Меня с упрёком встретила няня:

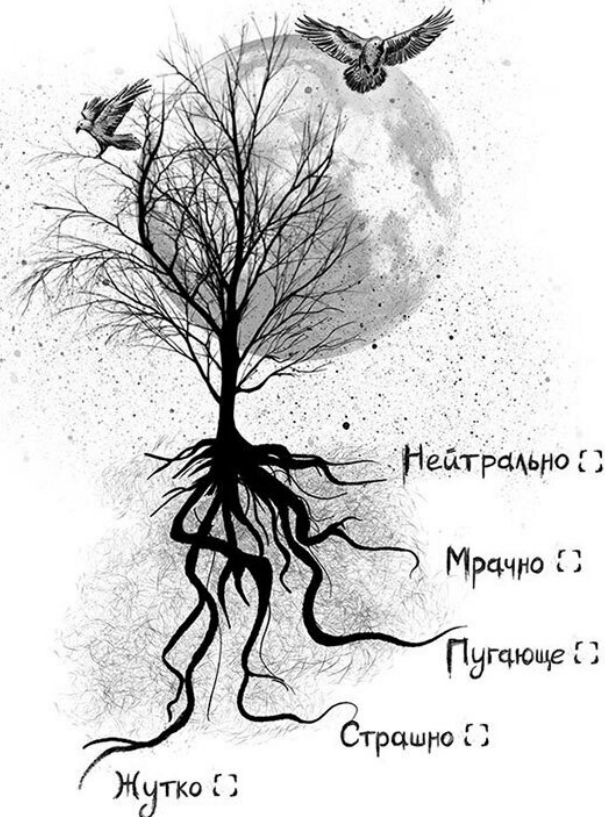
– Ну, наконец-то!

Никитка набросился, обнимая крепко-крепко:

– Мам! – и затараторил, глотая слова. – Мы делали монстра из тыквы и лицо красили, я всех пугал, потом дали конфеты, много-много.

– Молодец... Конфеты? Что-то мне сладкого захотелось. Очень!

Шкала вашего страха

Напугал ли вас рассказ, который вы прочитали?

Определите уровень своего страха по этой шкале и поставьте отметку.

Если хотите, чтобы автор узнал о ваших ощущениях, загрузите фото с отметкой в сториз Инстаграм, укажите название рассказа и ссылку на @litbanditi

Анна Чудинова

Instagram: @chudanechka

Яндекс Дзен: Анна Чудинова

Бродяга

Такси резко остановилось. Я открыл глаза и увидел перекрёсток у центральной площади города. До тёткиного дома оставалась пара кварталов.

– А давайте закончим поездку здесь? – я сунул водителю смятую купюру и, не дожидаясь сдачи и смены сигнала светофора, вышел из автомобиля. Лицо тут же обдало тёплым влажным воздухом. Я закинул руки за голову и хорошенько потянулся. Через мгновение площадь залил мелодичный бой курантов. Золотые стрелки часов городской ратуши показывали шесть утра. Без сомнения, тётка уже проснулась. Она любила вставать ни свет ни заря и до завтрака возиться в саду. Но я знал: как только я переступлю порог её дома, цветы тут же будут забыты и меня снесёт неотвратимая волна бесконечных причитаний, расспросов и наставлений.

Что ж, у меня было около четверти часа, чтобы прогуляться до тёткиного особняка и насладиться последними минутами тишины и покоя.

Солнце пригревало. Я шагал по тротуару вдоль дороги. Разноцветные крыши домиков подёргивались в голубоватом мареве и, словно ступеньки, спускались к изумрудной полоске моря на горизонте. Улица просыпалась. То тут, то там поворачивались ключи в замочных скважинах, с грохотом

взмывали вверх ставни газетных киосков, раздавались звонкие трели дверных колокольчиков, шумно заводились кофемашины.

Больше тридцати лет назад я родился в этом южном городке. Вскоре после моего рождения родителям вздумалось повидать мир, и мы стали мотаться по свету, переезжая с места на место. Впрочем, где бы мы ни жили, каждое лето меня привозили сюда. Гостил я, по обыкновению, у тётки.

Дойдя до конца улицы и свернув в маленький переулок, я увидел знакомый дом из красного кирпича. Гладкие головки нераспустившихся пионов приветственно кивали мне из-за решётчатого забора с острыми пиками. Одна половина особняка грелась на солнце, другая пряталась за сиреневым облаком цветущей глицинии. Узловатые ветки куста ползли вверх по массивным колоннам, цеплялись за правый балкон и устремлялись дальше, к крыше, откуда водопадом скидывали вниз длинные нити нежно-фиолетовых цветов. Воздух был полон любимого с детства сладковатого аромата.

Я подошёл к большой кованой калитке и не успел нажать на кнопку звонка, как ворота с натужным скрипом разъехались в стороны.

– Явился-таки? – тётка стояла передо мной в запачканном землёй рабочем комбинезоне и обмахивала вспотевшее лицо старой газетой.

Меня удивляла тёткина способность точно знать время

моего приезда, хотя я никогда не предупредил её. Обычно я заявлялся к родственнице раз в несколько лет, когда не был занят работой или амурными делами. Да, это было полное засранство с моей стороны, но тётка не сердилась на меня – я любил её, и, кажется, этого было достаточно.

Мы обнялись и пошли к дому. За мной по старой, изрытой будто оспинами дорожке затарахтел маленький чемодан.

Пока мы завтракали, я рассказал, как идут мои нынешние дела и послушал новости обо всех тёткиных друзьях и соседях. После мы пошли пить чай на балкон.

– Возьми, – осторожно коснувшись пальцами моих рук, будто всё ещё проверяя, не наваждение ли я, тётка сунула мне тарелку со слоёными пирожными.

На балконе стоял уже накрытый льняной скатертью круглый столик. Я поставил блюдо рядом с двумя пустыми чашками и сел в широкое плетёное кресло. Тётка принесла пузатый металлический чайник и разлила дымящийся напиток.

Когда она, наконец, уселась рядом, я обхватил гладкий фарфор ладонями и поднёс к губам. Язык в тот же миг нашупал на тёплом ободке чашки до боли знакомую щербинку. А впрочем, не так уж и утомительно! Недельный отпуск вполне можно продлить и погостить здесь чуть дольше.

– Какие волны! – тётка кивнула в сторону моря.

Я посмотрел на залив. Тёмно-зелёная поверхность воды была подёрнута рябью. Волны медленно катились к ска-

листуому берегу, где неминуемо взрывались белоснежными брызгами. И почему в этот раз море мне кажется не таким, как прежде? Мелким, съёжившимся. Будто усохшая лужа. Но при этом совсем не манящим, а даже враждебным.

– Вечером будет шторм, – я откусил хрустящее пирожное, усыпая колени крошками.

– Всё может быть, – ответила тётка и впервые за встречу улыбнулась.

Порыв свежего бриза принёс живительную прохладу. И не успел я откинуться на спинку кресла, как с улицы донёлся монотонный металлический перестук. Банки. Пустые консервные банки ударились друг о друга и мерзко скребли по асфальту. Как, опять?! Невыносимый, проникающий под кожу звук предвещал появление старьёвщика – чудовищного создания, которого я боялся всё детство. В ту же секунду в голове вспыхнула первая с ним встреча.

Мне было пять или шесть. В то утро тётка отправила меня на рынок за творогом. Я уже сделал покупки и бесцельно шатался между торговыми рядами. Сначала я спустил всю сдачу на сладости, а потом пошёл к палатке с разными безделушками. Истрёпанные книжки, залатанные игрушки, стеклянные пузырьки – я трогал, рассматривал и никак не мог оторваться от диковинных вещей. Внезапно воздух прорезал жуткий металлический перестук. Я обернулся и увидел бродягу. Грязные стоптанные ботинки, непонятного цвета лохмотья вместо одежды, а на голове – надвинутая до самых глаз

чёрная шляпа. С покатых плеч мёртвыми змеями свисали концы красного шарфа. Бродяга катил за собой на верёвке то ли комод, то ли фанерный шкаф на колёсиках. За ним, привязанные на толстую леску, скакали консервные банки.

– Тряпки! – прошипел бродяга и схватил меня за плечо длинными узловатыми пальцами. Сердце, как иглой, пронзило диким страхом. Бродяга склонялся надо мной всё ниже и ниже, точно желая лучше рассмотреть. И в момент, когда я уже готов был истошно заорать, он оскалился и отпустил меня.

– Тряпки! Тряпки! – закаркал бродяга и покатил дальше свой ящик. Тотчас же к нему со всех сторон хлынули хозяева палаток с обносками.

Я опомнился и со всех ног побежал домой. Тётка рассказала мне, что человек, которого я встретил на рынке, – старьёвщик. Люди обычно выносили ему ненужные вещи и обменивали на пустяковые побрякушки. А ещё она сказала мне, что я больше его не увижу и что бояться нечего.

Да, с тех пор я не сталкивался с ним, но всегда чувствовал – он рядом. В разных частях города, как только я слышал приближающийся звук скачущих по дороге банок, меня охватывал дикий страх, и мне казалось: если я не убегу, старьёвщик схватит меня и разорвет на куски. И я бежал. Даже если тётка была рядом. Я бросался наутёк, плутал по улицам и лишь спустя несколько часов возвращался домой.

Я соскочил с кресла и обхватил голову руками.

– Ты всё ещё боишься его? – спросила тётка.

Я сглотнул. Мне не хотелось говорить об этом, поэтому я перевёл тему:

– Так душно. Может, пройдемся до рынка?

Мы шли по рядам свежих овощей и фруктов. Тётка бойко торговалась и покупала овощи, я же брёл чуть поодаль и выхватывал взглядом знакомые здания, вывески, скамейки и деревья, но в мыслях снова и снова возвращался к старьёвщику.

Неужели он ещё жив? Ведь тогда, в детстве, он уже виделся мне безумно старым. И почему я сегодня вновь испытал глубокий страх, давно оставленный в этих местах?

В надежде выкинуть из головы навязчивые мысли о бродяге-старьёвщике, я подошёл к прилавку со специями и нагнулся над жёлтой горкой тёртого шафрана. Резкий горьковатый аромат мгновенно проник в нос и затуманил разум. Я уже было совсем расслабился, как за спиной послышался еле различимый шелест банок и сразу же стих. По влажной от пота шее скользнул неприятный холодок.

– Гх, гх, – раздался грудной кашель. Я обернулся. Бродяга стоял прямо передо мной.

Щёки обожгло ледяным ужасом. Светлые, почти прозрачные глаза смотрели на меня из-под седых клокастых прядей волос. Я не мог шелохнуться. Бродяга стал наклоняться к

моим ногам. И чем сильнее сгибалось и без того скрюченное тело, тем длиннее казалась тянувшаяся ко мне рука. Я машинально опустил взгляд. На земле, у самых кончиков моих ботинок лежала непонятная тряпка. Невозможно было разобрать ни цвета, ни ткани.

– Шы-ах... шы-ах, – тыкал старьёвщик пальцем, как ножом, в летний запечённый воздух. Мыча, он щерил сколотые жёлтые зубы, торчащие из почти чёрных десен. В ноздри ударила удушающая кислая вонь.

Я не знал, куда себя деть, но неожиданно поднял тряпку и сунул её в его длинные пальцы.

Старьёвщик обмотал тряпку вокруг шеи.

Это же шарф! Он обронил его.

Бродяга без слов покатил свой фанерный ящик дальше. Когда же он скрылся за поворотом, какое-то чувство, быть может, это и есть интуиция, заставило меня оглянуться. На противоположной стороне торгового ряда стояла тётка и во все глаза смотрела на меня.

– Он до сих пор жив? – наконец я прервал молчание, когда мы давно миновали рынок и уже подходили к особняку.

– Жив, куда ж ему деться, – спокойно ответила тётка, как будто каждый день встречается с этим жутким типом. – В городе всегда полно ненужной дряни. Если бы не бродяга, мы бы давно погрязли во мраке...

– О чём ты? – я был озадачен. – Чего, кроме бесчеловеч-

ной расправы за углом, можно ждать от такого дьявольского существа?

Тётка уставилась на меня, и мне даже показалось, что её голубые глаза вмиг потемнели.

– Идём-ка скорее домой, мой мальчик. Свариться на солнцепёке заживо намного страшнее, чем какой-то бродяга-старьевщик.

Вечером мне захотелось немного развеяться. И чтобы полностью стереть из памяти утреннюю встречу, я позвонил приятелю детства и сказал, что зайду к нему.

– И, Бога ради, прошу, не таскайся по ночам! – тётка стояла в проёме кухни и вытирала полотенцем вымытую после ужина посуду. – Лучше останься у друга, если засидишься. Не хватало ещё, чтоб тебя ограбили... Ты же знаешь местных голодранцев... Сколько загулявшихся туристов лишилось кошельков...

– Я не турист! – кинул в ответ я и выскочил из дома.

Время у друзей пролетело незаметно. Когда мы доиграли очередную партию в покер, за окном уже надрывались цикады. Полная луна с тревогой смотрела на меня, и я засобирался домой. Из прихожей я ещё раз взглянул на смеющихся приятелей и даже подумал, не сыграть ли ещё одну партию, но потом всё же решил идти, так как не любил ночевать в гостях. Надев пиджак и взяв с трюмо недопитую бутылку пива,

я беззвучно открыл дверь и вышел.

Напитанный солью воздух и ночная прохлада обрадовали меня, и я не пожалел, что не взял такси, а решил пройтись. До дома тётки оставался квартал по главной улице, я шёл по безлюдной дорожке вдоль парка, и тут мой взгляд зацепился за старый мост. Широкий каменный монстр, под которым когда-то текла небольшая река. Обычно рядом с ним собирались бездомные и грелись у костра. Но сегодня там не было даже самого крошечного огонька. Я немного постоял, пытаюсь разглядеть, не ходит ли там кто-то. Нет. Ни единого движения. «Отлично, значит, можно срезать путь», – подумал я и свернул в сторону моста.

Под ногами похрустывал гравий. Силуэты деревьев, словно вырезанные из бумаги, пугающе чернели на синем небе. Я дошёл до моста. Допил остатки пива и, выбросив пустую бутылку в бак, шагнул во тьму.

Под полуразрушенным сводом мои шаги стали гулкими. Я даже пошёл чуть медленнее, чтобы сильно не шуметь, хотя и так вокруг никого не было. На выходе у одного из баков я заметил очертания сгорбившийся человеческой фигуры в длинном плаще с накинутым на голову капюшоном. Я не видел лица человека, но слышал, как он копошится в мусоре. Неясное чувство тревоги кольнуло сердце.

«Да это просто какой-то голодный бедняга...» – я попытался успокоить себя.

Когда я поравнялся с ним, странный человек приподнял

голову над баком, но не обернулся, а лишь застыл. Неожиданно меня пронзил необъяснимый удушающий страх. Я вздрогнул и отшатнулся. Незнакомец медленно повернулся ко мне. Но я совершенно ничего не увидел под его капюшоном, как если бы плащ просто висел в воздухе, сам по себе. Я слышал лишь дыхание. Глубокое, хриплое, нечеловеческое дыхание. Меня сковал ужас, я не мог пошевелиться. Внезапно возле бака что-то с грохотом рассыпалось. Это привело меня в чувство: я в два быстрых шага выскочил из-под моста и оказался на спасительном открытом пространстве.

Не останавливаясь я поспешил к выходу из парка. Осталось пройти небольшую аллею до открытой калитки. Голова была словно в тумане, в горле – гадкое послевкусие, как после дурного сна. Неужели я перебрал в гостях, и это мне всё привиделось? В сотне метров от меня начинался освещённый участок дороги, и я уже почти пришёл в себя, как за спиной послышались шаги. И они приближались.

В голове запульсировали две мысли: ни в коем случае не оборачиваться и идти к свету. Свет – это спасение! Нутром я понимал, что нужно бежать, но до последнего не хотел выглядеть глупо, боялся выдать свой страх. Преследователь же, наоборот, будто ускорился. И чем ближе он был, тем труднее мне давался каждый шаг. Тело отказывалось слушаться. Первобытный, звериный ужас сжимал меня в железных тисках. В тот момент я осознал, что в мире есть что-то намного могущественнее и страшнее обычной смерти.

Уже совсем рядом! Ещё мгновение – и он схватит меня. Почувствовав у самого плеча движение руки, я уже готов был попрощаться с живым миром и навеки остаться в памяти людей леденящим душу криком, но вместо этого я услышал звон перекатывающихся по асфальту банок. Из-за угла навстречу мне вышел старьёвщик, а следом за ним шумно выкатился, знакомый фанерный ящик.

Не знаю, почувствовал он или нет, но я как никогда раньше был рад нашей встрече. Старьёвщик дотянулся узловатыми пальцами до края шляпы и немного приподнял её. Может, мне показалось, а может, это так падал свет фонаря, но я совершенно чётко увидел, как его глаза засветились, словно два лазерных луча. Я инстинктивно поднял ладонь в попытке закрыться от опасности, но со мной ничего не произошло. Тогда я медленно опустил руку и только после этого, переведя дух, смог посмотреть назад. За спиной никого не было. Лишь одинокий серый мост разрезал тёмную густую ночь.

Бродяга как ни в чём не бывало покатыл дальше, а я пошёл вверх по пустой улице, охраняемый странной металлической мелодией скачущих банок.

Мы стояли с ней на балконе и пили горячий кофе в темноте. Тётка сильнее закуталась в накинутую поверх шелкового халата шаль.

– Я знала, что это когда-нибудь случится...

– Что старьёвщик спасет меня?

Тётка звонко поставила чашку на стол. В свете луны её лицо казалось старым, вытянутым, бесконечно уставшим:

– Спас ли... – тётка отвернулась от меня и теперь смотрела на море. Через какое-то время она продолжила. – Старьёвщик наконец передал тебе свою силу.

– Наконец? – я ужаснулся смутной догадке, пронзившей мозг.

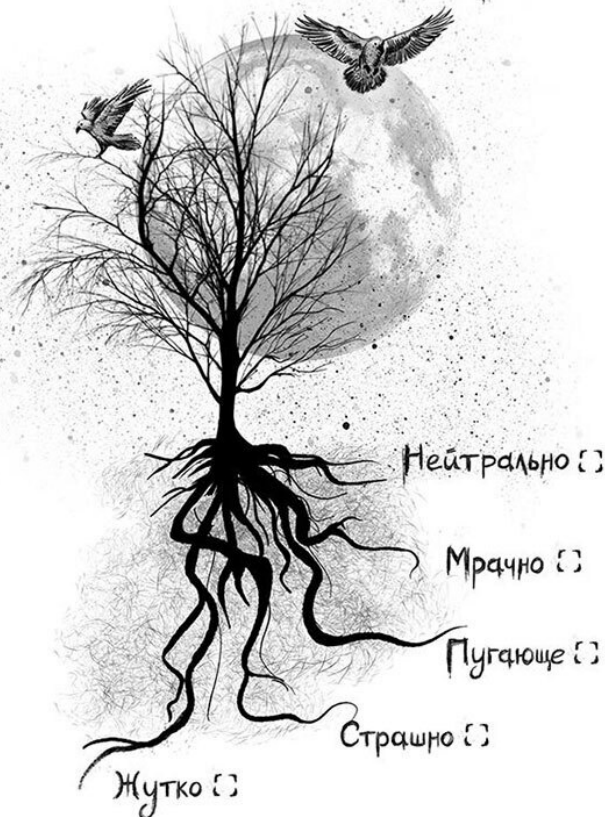
– Он выбрал тебя ещё тогда, в вашу первую встречу на рынке, но... ты был таким маленьким... и я попросила для тебя отсрочки...

– Погоди, погоди... Что значит попросила? – я смотрел на неё во все глаза. – Ты что...

– Такая же, как и он... и как ты... Мы видим зло, и наше дело – спасти от него обычных людей.

Мы стояли на балконе. Сильные порывы ветра трепали наши волосы. Волны вдали беспокоились. Я посмотрел с балкона вниз. Пейзаж стал плыть и подрагивать, словно мираж. Я вгляделся в картинку сильнее – то тут, то там, до самого берега вырисовывались тёмные силуэты фигур в длинных плащах с капюшоном и разбрелись по округе.

Шкала вашего страха

Напугал ли вас рассказ, который вы прочитали?

Определите уровень своего страха по этой шкале и поставьте отметку.

Если хотите, чтобы автор узнал о ваших ощущениях, загрузите фото с отметкой в сториз Инстаграм, укажите название рассказа и ссылку на @litbanditi

Медвежий приют

Белоснежный «бьюик» девяносто восьмого года разрезал острой мордой звенящий холодом воздух. Дорога к поместью круто петляла, заставляя Дрю подсакивать на поворотах и изумляться ярким краскам, которые то и дело вспыхивали среди однообразной зелени сосен. Тут густой кармин клёнов, там лимонная позолота каштанов и совсем вдалеке еле различимая бронза лиственниц. Да, она любила природу, но зачем надо было тащиться в такую даль? Почему нельзя было просто сходить в парк? Дрю посмотрела на Клару.

Сидевшая с ней на заднем сидении блондинка рваными от тряски движениями пыталась подкрасить губы розовой помадой. Впереди, на пассажирском месте, спал их общий с Кларой друг Шон. Рыжебородый верзила накрыл лицо шапкой и храпел. За рулём сидел хозяин поместья, любимец всех студенток юридического факультета Уотервильского колледжа Ларри. И что Клара нашла в нём? Дрю невольно посмотрела на аккуратно зализанные назад тёмные волосы одноклассника. Ларри, словно почувствовав затылком взгляд Дрю, зыркнул на неё карими глазами в зеркало заднего вида и растянулся в слащавой улыбке.

Дрю отвернулась.

– Ну что, девчонки, уже предвкушаете самый лучший в вашей жизни отдых? – спросил Ларри с дебильной интона-

цией, как из рекламы.

– Ага-м, – наконец, докрасила губы Клара и чмокнула воздух.

Дрю закатила глаза.

– Ну Дрю, – сказала Клара тише и придвинулась к подруге. – Не будь буквой! Все будет отлично!

– Да какого... – начала говорить Дрю чуть зычным, низким голосом, но Клара схватила её за предплечье и многозначительно вытаращила глаза.

Дрю отдернула руку и, уткнувшись носом в широкий воротник свитера, снова уставилась в окно. Что тут может быть отличного? Дрю ненавидела вылазки и терпеть не могла Ларри. Если бы не уговоры запавшей на него Клары, Дрю бы никогда не приняла приглашение этого смазливового выпендрёжника провести выходные у чёрта на рогах. Да ещё этот несуразный свитер, идеально подходящий, по словам Клары, для селфи в лесу. Чушь!

– Да ладно тебе! – Клара снова придвинулась к Дрю. – Старинный дом в глуши и сплошной лес на много миль вокруг. Ро-ман-ти-ка! – последнее слово Клара подчеркнуто произнесла по слогам. – Кстати, Ларри, а правда, что пару лет назад в вашем поместье нашли труп?

– Э-э, да... Говорят, бедняжку обнаружили в чаще у реки. На груди была рана, как от лапы медведя. Только порезы ровнее и глубже. Позже всё же убийцу поймали. Им оказался какой-то ненормальный, который ошивался в окрестностях.

Дрю поёжилась. Оставалось надеяться, что в доме Ларри будет безопасно. В любом случае ей не обязательно гулять одной по лесам.

Вскоре за окном заплясал плотный частокол сосен. Солнце уже скрылось, и в шершавых бурых стволах начинали плыть белёсые нити тумана.

Ларри свернул на вымощенную камнем дорогу, которая, видимо, вела к поместью.

– Слушай, Ларри, а может, это и правда был медведь? – наконец с переднего сиденья подал голос проснувшийся Шон.

– Ага, – невозмутимо ответил Ларри, и достав откуда-то из-под сиденья баночку «пепси», кинул её Шону на колени.

– О! Спасибо... – Шон взял банку, протер рукавом толстовки крышку и хрустнул алюминиевым ключом. Мозг Дрю мгновенно заполнился успокаивающим шипением.

– А почему поместье называется «Медвежий приют»? – голова Клары высунулась между двух подголовников.

Ларри не успел ничего ответить, как Шон заорал:

– Стой!

Тормоза взвизгнули, всех дёрнуло вперёд, что-то глухо ударило в решётку радиатора. Путники переглянулись.

– Я сейчас, – Ларри отстегнул ремень и вышел наружу.

– Боже, да что там? – Клара высунулась из окошка. – Кого мы сбили?

Ответа не последовало.

– Так, мне это не нравится, – Шон отдал банку Дрю и тоже

вышел из машины.

Ларри нигде не было. Плотное облако тумана окутывало «бьюик».

– Медведь! – вдруг откуда ни возьмись выскочил Ларри и помахал перед лобовым стеклом окровавленной тушкой белки. Девушки заорали.

– Придурок, – толкнул его Шон.

– Да ты чего! Просто белку сбили.

– Ладно, поехали! Скоро совсем стемнеет.

Шон и Ларри снова сели в салон.

– Ларри, ты рехнулся, – Дрю стукнула парня по плечу. – Ещё один такой розыгрыш, и я сваливаю!

Ларри перевёлся к ним в группу всего лишь полгода назад, но его шутки уже успели встать всем поперёк горла.

– Окей, окей, извини, – капитулировал Ларри и повернул ключ в замке зажигания. Машина пару раз натужно поворчала и с хлопком выплюнула последние силы.

– Похоже, приехали! – Ларри посмотрел на Шона, а потом на девушек. – Собирайтесь, дойдём пешком. Тачку попробую пригнать утром. Никто не стал возражать. Они собрали вещи и пошли в туман.

Дом действительно оказался близко. Компанию встречал светлый двухэтажный особняк с покатой черепичной крышей.

– А где покосившиеся окна и дергающиеся занавески? – шутливо спросил Шон, окидывая взглядом каменное здание.

– Ну хватит! – Клара толкнула друга в бок.

Ларри подошёл к внушительной парадной двери и отпер дом:

– Прошу! Вещи пока можете оставить внизу. Потом разберёмся.

Внутри было тепло и уютно. Старинный дровяной камин, балки на потолке, масляные портреты благородных предков. Пахло хвоей и мебельным лаком.

Ларри пошёл на кухню, чтобы найти какую-нибудь еду. Шон и Клара остались в гостиной и изучали обстановку.

– Эй, а почему здесь сеть не ловит? – Дрю ковырялась в настройках своего телефона.

– Не знаю, в лесу часто бывают сбои связи. Попробуй наверху, – Ларри выглянул из кухонного проёма и указал в сторону лестницы. – Твоя комната вторая слева.

Дрю кивнула, сгрэбла рюкзак и пошла на второй этаж.

Наверху коридор заканчивался второй лестницей. По обеим стенам чернели две пары дубовых дверей.

В комнате Дрю связь была, хоть и слабая. Она написала сообщение матери. Вдруг дойдёт.

Дрю села на кровать и открыла рюкзак. Что? Мужская рубашка, футболка, носки... металлический кастет с пятью лезвиями?

– Ребят! Кто-нибудь видел мой рюкзак? – послышался снизу приглушённый голос Ларри. Сердце Дрю скакнуло, остановилось и вновь застучало, набирая обороты. Внутрен-

ности живота скрутило в тугой комок.

Почти бесшумно она выскользнула в коридор, тихонько дошла до лестницы и выглянула из-за стены. Ларри стоял у дивана с открытым рюкзаком. Искаженное кривой улыбкой лицо налилось багрянцем. Ларри отшвырнул рюкзак, вернулся на кухню и вышел оттуда с обрезом.

Дрю зажала себе рот и спряталась обратно за стенку. Она не могла пошевелиться.

– Ларри, нет! – закричал Шон.

Выстрел. Визг Клары. Перезарядка. Второй.

Закусив шарф, Дрю в два прыжка оказалась на задней лестнице. Куда она вела, девушка не знала.

Дрю стала бесшумно спускаться. Включила экран телефона. Внизу был ещё один узкий коридор с комнатой. Возможно, это была кладовка. Дрю дернула ручку и она поддалась.

Наверху слышались шаги. Грохот, распахнутое окно. Снова шаги.

– Где ты, Дрю! – где-то над головой крикнул Ларри. – Я всё равно найду тебя!

Дрю приоткрыла дверь комнаты и кинула туда телефон. Только бы мама позвонила... Дрю скользнула в тёмный угол, за выступ в стене.

Через минуту на лестнице слышались быстрые шаги и учащенное дыхание. В коридоре остановились. В голове Дрю пульсировали слова молитвы. Мамочка...

В кладовке зазвучал рингтон. Ларри кинулся внутрь.

Мгновение, и Дрю захлопнула за ним дверь, дернула задвижку.

Ларри зарычал и стал высаживать дверь изнутри.

– Открой, тварь, открой!

Но Дрю его уже не слышала. Она неслась в туманную синеву дебрей и остервенело сжимала в руке подобранные в гостинной ключи от «бьюика». Только бы завелась! Сколько у неё есть времени? Как долго хлипкий замок кладовки сможет его удерживать?

Наконец мощёная дорога закончилась. Впереди, среди сосновых веток, показались два желтых глаза. Ларри не выключил фары. Может, машина и вовсе не сломалась!

Дрю трясущимися пальцами нажала на брелок, двери разблокировались приветливым переливом. Дрю запрыгнула на водительское сидение. Господи, Клара! Шон! Они лежали там, как сломанные фигурки марионеток, мокли в багровых лужах. Из глаз хлынули солёные слёзы. Дрю заколотила по рулю. Пожалуйста, заведись!

Она вставила ключ и с силой повернула. Мотор надсадно закашлялся и с болью выдохнул. Ещё раз и ещё. Дрю посмотрела в зеркало. Потные пряди прилипли ко лбу, глаза полны ужаса. Глухой выстрел! Это в доме. Надо бежать, но куда? Вокруг на многие мили лесная глушь.

Услышав вдалеке рык Ларри, Дрю выскочила из машины и шагнула во мрак.

– Где ты, Дрю, детка? – голос Ларри звучал всё отчётли-

вее.

Дрю опустилась на четвереньки, в ладони и коленки впились сухие иголки и шишки. Где-то неподалёку журчала вода.

– Сейчас я тебя достану, тварь! – Дрю приподняла голову и увидела, как Ларри подошёл к «бьюику» и стал пинать его по бамперу.

В кармане Дрю запиликал брелок. Чёрт, чёрт, чёрт. Ларри бросился в сторону звука. Дрю рванула в чашу так быстро, насколько позволяли одеревенелые ноги. Тяжелые шаги Ларри приближались. Дрю запнулась, неуклюже взмахнула руками и рухнула на землю. Задыхаясь, она перевернулась на спину. Тьму пронзил звук взводимого курка.

– Ну куда же ты собралась, Дрю? Разве тебе не нравится наш милый уик-энд? – хриплое дыхание уже почти добралось до неё.

– Зачем ты убил их, Ларри?

– Ты сама все испортила, гадкая девчонка! Суёшь нос куда не следует, – в мерзком голосе зазвучали капризные нотки. – Ты раскрыла мой секрет, Дрю. А я хотел, чтобы он остался между нами. Только ты и я. Только я и твой сладкий запах, одурманивший меня ещё на первом курсе и теперь выманивший меня из многолетней засады.

Держа обрез в правой руке, Ларри стал медленно наступать. Лево́й рукой он достал из кармана кастет.

– Прошу, не надо!

– Заткнись!

Внезапно кусты со стороны Ларри зашевелились, с треском выпуская скалящуюся медвежью морду.

Ларри резко направил ружье на зверя. Дрю, не отрывая взгляда от хищника, осторожно поднялась. Медведь одновременно встал на задние лапы.

Ларри выстрелил. Зверь заревел и побежал на них. Ларри успел всадить в громадину ещё одну пулю перед тем, как теплая туша упала на него и придавила к земле.

– Дрю, помоги же мне! – сдавленный стон Ларри смешался с запахом крови и пороха.

Коленки Дрю тряслись, но она все равно медленно шла к нему.

– Ах ты, зараза! – Ларри освободил руку и приподнялся. – Давай же!

Дрю склонилась над ним и впервые увидела его тёмные глаза вблизи. Пустые, жестокие, голодные. В уголках рта скопилась слюна, перемешанная с кровью.

– Да, Ларри, только ты и я! – улыбнулась Дрю и, занеся над ним руку, блеснувшую в свете луны металлом, с силой вонзила в мягкую плоть его горла пять острых лезвий.

* * *

Грязная, в порванной одежде, она устало зашла в дом. Пальцы озябли от холодной речной воды, но всё же быстро

набрали три цифры на телефоне. Казалось, её голова проваливается в вакуум, но неожиданно пошли длинные гудки. Щелчок.

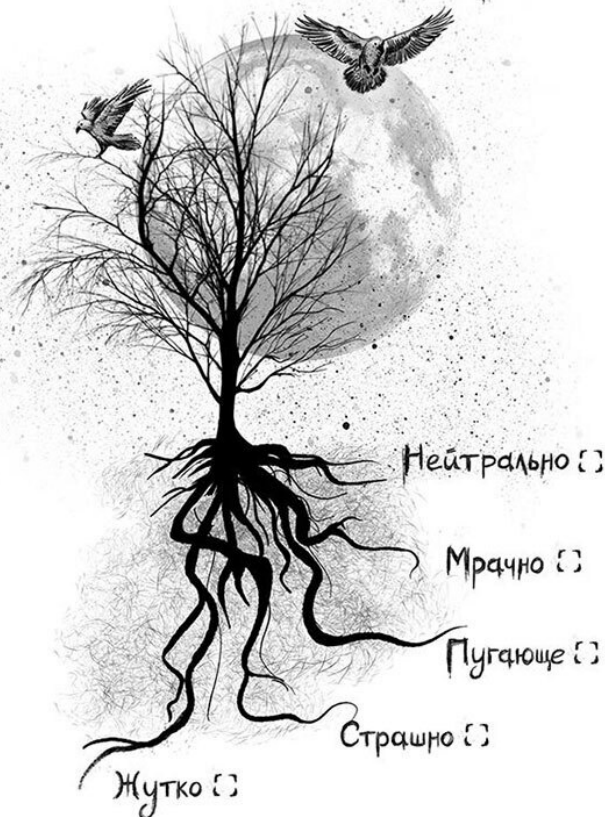
– Здравствуйте! Служба 911. Что случилось?

– Два убийства из огнестрельного оружия и одно смертельное нападение медведя, – устало произнесла Дрю.

– Назовите ваш адрес, мэ.м.

– Файэр роуд 96, поместье «Медвежий приют»

Шкала вашего страха

Напугал ли вас рассказ, который вы прочитали?

Определите уровень своего страха по этой шкале и поставьте отметку.

Если хотите, чтобы автор узнал о ваших ощущениях, загрузите фото с отметкой в сториз Инстаграм, укажите название рассказа и ссылку на @litbanditi

Елена Фили

Instagram: @fili_elena_
elenafili.ru

Авария

– А я однажды был свидетелем страшной аварии.

Парень, сидевший в автобусе на заднем сиденье, встал и перебрался поближе к рассказчикам.

– Машина сорвалась с дороги, понеслась и врезалась в дерево. Люди, кто видел, выскочили из своих авто, хотели помочь. Бесполезно. Это... страшно, когда на твоих глазах погибает человек, а ты бессилен. Я потом всё думал об этом, а перед глазами постоянно стояла картина несущегося к гибели автомобиля. Даже на похороны ходил. Думал, узнаю подробности. Рядом со мной мужчина был в толпе. Такой немолодой, неприметный. Украдкой слёзы вытирал. Мы разговорились. Оказалось, он врач и о том, из-за чего авария случилась, знал. Считал себя виноватым. А я слушал и думал: а как бы я поступил?

– Будете слушать? – парень оглядел людей в автобусе. Увидев кивки, он начал рассказывать.

* * *

Впервые в жизни Полина заснула на работе. Вот только что смотрела на экран монитора и в следующее мгновение раз – и отрубилась. Хорошо, что в офисе был обеденный перерыв и отдел пустовал. Со стороны, наверное, это выгляде-

ло, как будто сложилась тряпичная кукла. Просто упала на клавиатуру с громким щелчком клавиш. Клац!

Она почувствовала, что голова её повернута набок, ухо трется о знакомую ткань, а по виску стекает что-то тёплое. И, кажется, во сне она была не одна. Точно, не одна. На соседнем сиденье полулежал её Гоша. И смотрел прямо на неё. Полина поняла, что они с Гошей сейчас в машине. Гоша, живой, невредимый, а не то страшное нечто, в которое превратился муж после автомобильной аварии и которое она похоронила две недели назад в закрытом гробу. Сначала Поля чуть не задохнулась от радости. Гошенька... А потом она замерла. Гоша был... странный. Не шевелился. Может, тоже не мог, как и она? Может, свидания на небесах так и происходят? Нельзя дотронуться. Запрещено. Можно только смотреть. Ну и что? Поля судорожно выдохнула. Ей и этого хватит! Смотреть, смотреть в любимые глаза. Ещё побыть вместе. Ближко... Погладить... Дотронуться... Только руки почему-то не шевелятся.

Внезапно Гоша заговорил. Не своим голосом, тёплым, мягким, а механическим, будто каркал.

«На златом крыльце сидели
Царь Царевич и я – Королевич,
Убитый или живой?
Кто я теперь такой?
Говори поскорей, видишь – очередь из людей?
Не скучай... скоро сама придёшь...»

Поля вынырнула из кошмара внезапно, как и заснула. Подняла голову и огляделась. Коллектив заполнял рабочие места. Никто на неё не смотрел. Может, подумали, что человек устал и решил вздремнуть. Её вообще старались не трогать в последнее время. Знали о похоронах. Молча принесли и пристроили на краешек стола конверт с деньгами. Разве ей нужны деньги? Зачем ей деньги? Ей нужен Гоша. Хоть какой. Даже странный, говорящий механическим голосом и похожий на робота. А то, что она уснула... Так она уже и забыла, когда нормально спала. С того дня, как ей позвонили и сказали, что Гоши... что Гоша...

Поля провела ладонью от виска вниз по лицу и уставилась на окровавленную ладонь. Наверное, поранилась, когда голова упала вниз. Рядом с клавиатурой стояла кружка с кофе. А теперь лежали осколки, и сладко-тягучая коричневая жидкость пачкала поверхность и распечатанные недавно листы.

– Давай помогу! – новенькая, Поля не помнила её имя, сидевшая за соседним столом, решительно схватила Полину руку, оттерла кровь салфеткой, а потом сгребла то, что осталось от кружки, грязные листы и унеслась по коридору в туалет. Когда она вернулась, Полина сидела всё так же и недоуменно улыбалась.

Оставшееся время на работе Полина старательно делала вид, что ничего не произошло, перепечатала заново всю статью, испорченную кофе, и всё думала: а почему Гоша при-

шёл к ней именно сюда, а не домой? Дома всё привычное и свидетелей нет. Да какая разница, куда и когда он пришёл! «Лишь бы приходил», – шептала она, дрожащими руками запирая ящики рабочего стола, подхватывая плащ, сумку и торопливо спускаясь на стоянку.

«Пусть приходит, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», – твердила Поля, когда завела машину и потом, когда выехала на дорогу. «Хочу опять его увидеть!» – лихорадочно пробормотала, поворачивая из пригорода на дорогу, ведущую к дому. И... снова отрубилась. На мгновение. А очнулась возле поворота, недалеко от тополя, в который врезался на машине её Гоша. Поля взгляделась. Кто-то пристроил похоронный венок к основанию дерева, небольшой, но видно издалека. Это... правильно. Чтобы никто больше не погиб. Чтобы издалека видели и тормозили заранее.

Она вышла из машины, подошла к тополю, прижалась к холодному стволу головой, замерла. Как ты там один, Гоша? Поля вспомнила, как муж сегодня в офисе каркал какие-то странные стихи. Хоть и такой... Пусть приходит. Нельзя ей без него. Вон что получается.

И только потом до неё дошло, что она проехала километр как бы... без сознания? Это же ненормально? Может, у неё из-за нервного срыва что-то с головой? И никакая это не Гошина душа скучает, а просто глюки? Начало сумасшествия? Шизофрения?! Она вздрогнула от сигнала проехавшей мимо машины, протяжного, прощающегося, съёжилась, ощу-

тив, как прохладный ветер пытается забраться под плащ, и вернулась в салон. Завела двигатель, тронула машину и медленно, вдоль обочины, контролируя себя, поехала домой.

Дома Поля бесцельно побродила по квартире, включила и выключила телевизор, выпила горячего чаю, чтобы согреться, – отопление ещё не дали, а ночи уже стали холодными, и дома всё выстыло. На тумбочке возле кровати стояла Гошина фотография. Поля подержала её в руках, ощущая знобкий металл рамки. Почему-то вспомнилось, как они познакомились. На пляже. Стоял июль, они ели одинаковое мороженое, облизывали пальцы и строили друг другу рожицы, а потом весь вечер целовались. Там же, на пляже. Под шум набегающих волн.

– Ты приходи, – прошептала она, укладываясь спать, натягивая на голову одеяло. – Я ждать буду.

Гоша не пришёл ни в этот день, ни в следующий. А Полина продолжала внезапно засыпать. На работе. Дома. Ненадолго. На пять-семь минут. И галлюцинации были. Мама, которая много лет назад умерла от рака. Измученная, худая. Бабушка, беззубая, высохшая, в белом платочке. Дед. Все, кто были в Полиной жизни раньше, а потом умерли. Вроде и сон, но как будто наяву. Она видела, чувствовала, а двинуться не могла.

Гоша пришёл на третью ночь. Она ощутила, как кровать прогнулась, – кто-то тяжелый лег рядом. Поля открыла глаза. Гоша смотрел не мигая, открывал черный провал рта, будто

снова читал дурацкую считалку. Но слов не было слышно. И только в конце она услышала быстрый страшный шёпот: «... Я убитый или живой?» и через паузу всхлипнул: «Это ты не проверила тормоза...». Полина хотела отвернуться, закричать, что проверила, проверила, и не тормоза виноваты, так сказали в транспортной полиции, а ты сам заснул за рулем, но потеряла сознание. Очнулась утром. Тихо собралась, вызвала такси и поехала на работу.

Когда Полина зашла в офис, её вызвал к себе начальник.

– Поля, я всё понимаю, но так нельзя!

Он кинул на стол последние Полинины статьи, исчёрканные красным фломастером. Листки разлетелись широким веером.

– Я вижу – горе. Возьми отпуск. Не мучай себя, не подводи коллектив. Говорят, у тебя с нервами проблемы? Теряешь сознание, отключаешься?

Поля виновато опустила голову:

– Немного накосячила, простите. Я переделаю.

– Нет, дорогая. Давай-ка к врачу. К психотерапевту. У меня знакомый есть. Все хвалят. Я договорился, скажешь, что от меня.

И шеф протянул Полине визитку.

* * *

– Вам не ко мне, – знакомый психотерапевт шефа с сожа-

лением протянул Поле бланк истории болезни, заполненный с двух сторон её рассказом о том, что с ней происходит в последнее время. – Сомневаюсь, что это шизофрения. Идите-ка вы к сомнологу.

И Поля, обрадованная, что приходы Гоши – это «не шизофрения», почти выбежала из кабинета психотерапевта, а потом и из клиники на улицу. Вдохнула свежего воздуха и задумалась. Идти или нет ещё куда-то? Кто это – сомнолог? А вдруг этот непонятный сомнолог докажет, что Гоша – это всё-таки просто больное воображение? И что нужно лечиться? А нужно ли вообще дальше разбираться? Пусть Гошенька приходит. Правда, последний раз было... страшно... Поля вытащила мобильник и забила в поисковой строке: «Какие заболевания лечит сомнолог?» Прочитала, прижав к щекам похолодевшие ладони, и вызвала такси.

...Сомнолог, поджарый, невысокий, в очках с толстыми стёклами, долго её выпрашивал, а затем сложил на коленях руки с длинными хирургическими пальцами и тяжело вздохнул.

– Нарколепсия. И сонный паралич. Таков предварительный мой диагноз. Нужно сделать полисомнографию. Вот направление. Дам вам пока из своих запасов таблетки. Их трудно достать, вы аккуратнее, ладно?

Полина, оглушённая непонятными словами, уцепилась за знакомые: «таблетки». То есть если выпить таблетки, Гоши больше не будет?

– Доктор, а после таблеток перестанут приходить мои... галлюцинации?

– Видения погибшего мужа? Да, перестанут.

– А... вот эта сонливость... тоже уйдет? А то я за руль боюсь садиться.

– Ну, нет, девушка. Пока наука так далеко не шагнула. В гипоталамусе секретируются гормоны бодрствования, и их дефицит является причиной врождённой нарколепсии. Редкое неизлечимое заболевание. Обычно врождённое. А может, как у вас, развиться после тяжелой психологической травмы. Или из-за опухоли. Увы. Мучают кошмары при засыпании и пошевелиться невозможно, да? Но попробуйте перебороть этот страх. Если вы научитесь расслабляться, то сонный паралич будет появляться реже. Можно, можно приспособиться.

Но Полина не хотела «расслабляться», «перебарывать страх», избавляться от кошмаров. Она хотела, ждала каждой галлюцинации, призывала её. Гоша. Если Полина начнёт пить лекарства, то Гоши не будет. А она... не хотела больше жить одна.

Дома Полина перед сном посмотрела с сомнением на таблетки, открыла ящик стола и засунула их подальше, в самый угол.

Утром она написала заявление о переходе на «удалёнку», то есть работу из дома. Стараясь не замечать любопытных взглядов коллег, быстро собрала вещи в большую картонную

коробку и почти выбежала из офиса, боясь расспросов.

Целый день слонялась по дому, ждала ночи. Ей хотелось попробовать поговорить с Гошей. Рассказать о болезни, посоветоваться, спросить, идти ли завтра на непонятную процедуру по подготовке к этой... полисомнографии. Ну и что, что паралич и не двигаются мышцы? Гоша поймет, как всегда понимал. Когда приходила расстроенная с работы, когда болела, когда умерла мама. Без слов понимал, что случилась беда или неприятность. Подходил, распахнув широко руки, обнимал, прижав к плечу её голову, и надолго замирал. Боль как будто просачивалась сквозь одежду и впитывалась в Гошу. В его кожу, душу, сердце. И Полину «отпускало».

Почувствовав, как под тяжестью тела колыхнулась кровать, Полина открыла глаза и отпрянула. Гошина голова, окровавленная, разбитая, безглазая оказалась слишком близко. И продолжала приближаться. Полина закричала. Но горло, мгновенно пересохшее, не издало ни звука. Голова остановилась, почти упираясь в глаза Полины, которая не могла даже зажмуриться, и каркнула: «Я – убитый!». И дребезжаще засмеялась, раскрыв рот с выбитыми зубами.

Очнувшись, Полина босиком, в мокрой от пота ночной рубашке кинулась к столу, выгребла таблетки и сразу насухо проглотила две. Только потом добрела до кухни, налила воды из крана и запила горечь во рту. И не спала до утра, боясь повторения кошмара.

На следующий день в клинике её всю облепили специ-

альными датчиками, наговорили кучу инструкций и отправили домой. Полина медленно, перебирая ногами, как старушка, брела к машине и всё думала, думала. Как дальше жить? Как? Гоша теперь будет приходиться такой... жуткий... не родной. Она перестанет его любить, а со временем начнет ненавидеть. Ей придется жить одной, потому что никому не нужен инвалид, кричащий по ночам от кошмаров и засыпающий по несколько раз за день. Останется только работа. Обычная. Копирайтер. Ей всего тридцать. Жить такой жизнью ещё сорок или пятьдесят лет? Без Гоши? Без подруг? Без будущего? Как овощ?

И когда садилась в машину, думала. И когда выезжала со стоянки.

* * *

По дороге, ведущей под уклон, мчалась на огромной скорости красная «ауди». Встречные машины с опаской объезжали нарушительницу. Из открытого окна несся звонкий Полинин голосок:

«На златом крыльце сидели
Царь Царевич и я – Королевич,
Убитый или живой?
Кто я буду такой?
Говори поскорей, видишь – очередь из людей?»

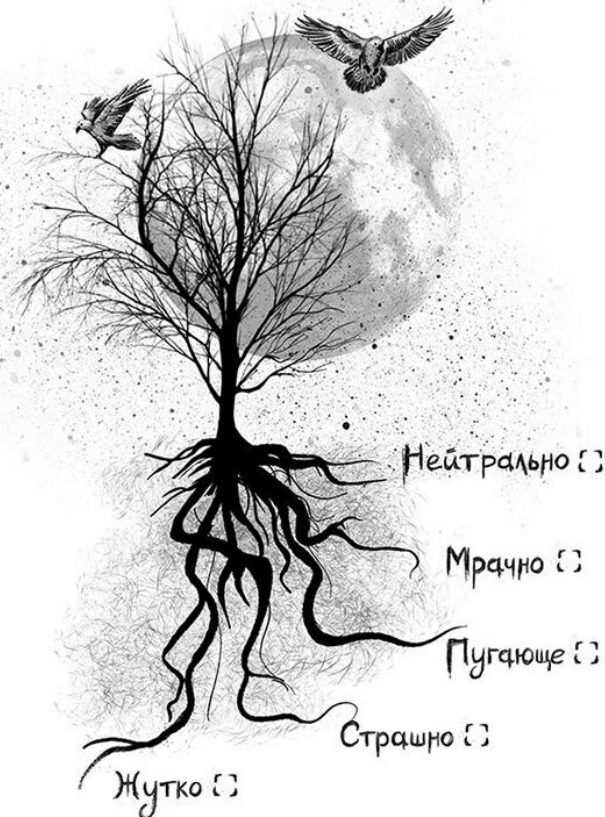
За поворотом машина съехала с шоссе и устремилась вниз, прямо к обугленному тополю, искореженному последней аварией. Разогнавшаяся «ауди» на полном ходу врезалась в дерево, взорвалась и загорелась. С дороги бежали люди, кто с аптечкой, кто с огнетушителем, кто просто помочь. Они остановились в бессилии перед горящим автомобилем. Никого уже нельзя было спасти. Трещал огонь, пожирая плоть машины и пассажирки. Откуда-то сверху замершие от ужаса люди слышали каркающий шёпот, принесённый ветром: «Не скучай, я скоро приду...»

* * *

...Завершив рассказ, парень протяжно выдохнул и обвёл взглядом людей в автобусе. Никто не смеялся. Женщина в сером платке плакала, опустив голову на сиденье. Парень вытер широкой ладонью лицо и пробормотал, уставившись в пол:

– Вот так всё и было. Не могу забыть. Никак.

Шкала вашего страха

Напугал ли вас рассказ, который вы прочитали?

Определите уровень своего страха по этой шкале и поставьте отметку.

Если хотите, чтобы автор узнал о ваших ощущениях, загрузите фото с отметкой в сториз Инстаграм, укажите название рассказа и ссылку на @litbanditi

Мира Лев

Instagram: @justbemira

Заколдованная квартира

Бесстрашие – это иллюзия, глупость или неопытность?

Когда тебе шестнадцать, вряд ли станешь задумываться о подобных вещах. Мне в этом возрасте отсутствие инстинкта самосохранения заменяли любопытство и повышенный интерес к необычному, загадочному. Как с этим сочеталось отсутствие тяги к приключениям и довольно скептический настрой к жизни, я не очень понимаю. И, наверное, мне просто повезло, что с таким отношением ко всему я не вляпалась в совсем уж неприятную или трагичную историю, хотя случаев на грани было немало.

Погода стояла знойная. То лето выдалось особенно жарким, и в области горели леса. Смог накрыл город, в воздухе висел запах гари. Несмотря на это, яркое солнце дарило ощущение беззаботности и легкости, хотелось гулять и ни о чём не думать, но я уже договорилась о работе и потому топились.

Маленькая комнатка, переделанная под офис, располагалась в подвале жилого дома. Здесь находилась городская социальная служба, которая занималась благоустройством города и оказывала помощь пенсионерам и инвалидам. Работу распределяла начальница этой организации. Мне досталась уборка квартиры.

Получив адрес, а также весь необходимый инвентарь, я отправилась выполнять задание.

Уже возле двери в подъезд я вдруг поняла, что мне не сказали код домофона. Позвонить в контору было неоткуда, идти обратно далековато, поэтому оставалось только ждать, пока пройдёт кто-то из жильцов. Вскоре подошла женщина, остановилась и вопросительно посмотрела на меня.

– Я из службы, пришла с уборкой помочь, в 125-ю.

– К Антонине? – Внезапно у неё сделалось такое сложное выражение лица, в котором одновременно были ужас и сожаление, что я невольно сделала шаг назад.

– Что-то не так? – осторожно спросила я.

– Нет-нет, всё в порядке, проходите, – сказала женщина, пропуская меня вперёд.

Звонок залился приятными птичьими трелями, через некоторое время послышались шаги и защёлкал замок. Дверь отворили. На пороге стояла очень милая бабушка. Седая, в домашнем платье, но в бусах, с платком, наброшенным на плечи, и прихваткой в руках.

– Вы из службы? Да-да, мне звонили, говорили, что вы придёте. Я вас ждала. Сейчас покажу квартиру и обозначим фронт работ. Как там на улице? Хорошо? Или гарью опять пахнет? Да проходите, не стойте на пороге.

Мне хотелось поскорее закончить с уборкой и пойти гулять, поэтому я быстро разулась, положила вещи и отправилась на экскурсию по квартире вслед за бабулей. А та всё го-

ворила и говорила:

– Начнём с окон. Помыть надо вот эти два, потом ковёр, люстра и протереть пыль. А я пока олады испеку. К чаю. Вы же будете пить чай?

И уже стоя в дверях, развернулась и добавила:

– Так рада, что есть ваша замечательная служба, ведь больше некому помочь. Мне-то уже 74 года, самой тяжело всё... Ну работайте, больше не отвлекаю.

На первый взгляд, ничего необычного в этой квартире не было. Типичная бабушкина обстановка. Мебель советских времен, книги, чайные сервизы, хрустальные люстры, ковры на полу и на стенах. Только зеркала повсюду и куклы, в каком-то невероятном количестве, на каждой полке и в каждой комнате, придавали интерьеру таинственности. При взгляде на них делалось немного не по себе, но рациональный мозг тут же отметал любой мистицизм, и в следующее мгновение уже не казалось, что это так уж странно и необычно.

Мытье окон не относилось к моим любимым занятиям, поэтому я часто отвлекалась, разглядывая всё вокруг. В небольшой комнате мебели было мало. Старая тахта, платяной шкаф, зеркало на стене и пара полок, на которых сидели куклы. Мне строго-настрого запретили их трогать, чему я, откровенно говоря, была только рада. Они были очень красивые, в нарядных платьицах и с закрывающимися глазами, но все в пыли и паутине.

Прервав уборку в очередной раз, я краем глаза заметила,

будто на полках что-то двигается. Я развернулась, и мне показалось, что это куклы шевелят ручками и моргают. Стало жутко. Но уже через секунду всё было, как и прежде: куклы смиренно сидели на своих местах. Я подумала, что мне это почудилось или из-за сквозняка получился такой эффект.

Я заторопилась, чтобы скорее покончить с окном и приступить к чистке ковра в соседней комнате. Протерев стекло до победного скрипа, я с тоской посмотрела на улицу. Там кипела жизнь. На детской площадке резвились дети, взрослые неспешно прогуливались по дорожкам парка. Солнце нещадно светило сквозь толстые стёкла. Энтузиазм временно оставил меня в гордом одиночестве, поэтому в сторону прихожей за оставленными там чистыми тряпками и моющим средством я отправилась с тяжелым вздохом.

Лениво разглядывая стены, я случайно посмотрела в висевшее в коридоре зеркало – и тут же отскочила назад, вскрикнув от неожиданности. Из отражения на меня смотрела настоящая ведьма. Морщинистое высохшее лицо с заостренными чертами, спутанные седые волосы, нос с горбинкой. Странно, когда я шла в ту сторону, никого в коридоре не было, промелькнуло в голове. Я обернулась, чтобы найти объект отражения.

В самом углу в инвалидном кресле сидела не шевелясь сухонькая старушонка и, казалось, никого вокруг не замечала. Откуда она тут взялась? На всякий случай я поздоровалась и пошла убирать вторую комнату.

Ковёр оказался не очень большим, чему я искренне обрадовалась. Когда работа была почти закончена и я наклонилась подобрать с пола тряпки и щетки, за спиной послышались шаркающие шаги. Я обернулась на звук. В дверях стояла старуха-ведьма и указывала в сторону окна костлявой высушенной рукой.

На мой вопросительный взгляд она помотала головой, отчего её спутанные волосы растрепались ещё больше, и каким-то неестественно низким скрипучим голосом спросила: «Мгла-то есть?».

Видимо, она имеет в виду смог от пожаров, подумала я. Не дожидаясь ответа, старуха вдруг резко подскочила к ведру с водой, стоявшему возле меня, схватила половую тряпку и принялась её полоскать. Над согнутой спиной быстро-быстро поднимался то один, то другой локоть – старуха яростно топила тряпку в ведре. Крючковатые пальцы, намертво вцепившись в полуистлевшую ткань, яростно выжимали из неё воду. Я не могла понять, откуда в этой старушонке взялось столько силы, она ведь только что еле шла. Казалось, что с ней случился какой-то припадок. А она тем временем, склонившись к полу, начала тереть его, энергично перемещаясь из стороны в сторону. Потом внезапно выпрямилась, и я опять поймала её отражение в зеркале. У меня пересохло в горле. Там, в отражении, была та же старуха, только лет на двадцать моложе. Наверное, это просто хозяйка вошла в комнату, предположила я в попытках усмирить свой страх.

Но тут с кухни донёлся голос: «Олады скоро будут готовы, заканчивайте с ковром». Это не она, с ужасом поняла я и бросилась прочь из комнаты.

Пытаясь утешиться тем, что большая часть уборки уже сделана, я решила прерваться, немного прийти в себя и попить чаю. Внутри меня все сжималось, но я старалась не обращать на это внимания. Я должна была закончить уборку во что бы то ни стало, чтобы получить хороший отзыв и премию за работу. Это казалось важнее каких-то страхов и опасений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.